

Джон Дуглас
прототип героя
сериала
MINDHUNTER

Марк
Олшейкер

ТЕ НЬ УБИЙЦЫ

ОХОТА ПРОФАЙЛЕРА ФБР
НА СЕРИЙНОГО УБИЙЦУ-РАСИСТА

**Джон Дуглас
Марк Олшейкер
Тень убийцы. Охота
профайлера ФБР на
серийного убийцу-расиста**
Серия «Охотники за
разумом. Настоящие
расследования профайлеров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67652657

Тень убийцы. Охота профайлера ФБР на серийного убийцу-расиста:

Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-169150-9

Аннотация

Легендарный профайлер ФБР и прототип Джека Кроуфорда из знаменитого «Молчания ягнят» Джон Дуглас рассказывает об охоте на одного из самых опасных психопатов в его карьере – знаменитого расового убийцу Джозефа Франклина.

Верующие выходят из синагоги после субботней службы. Они не подозревают, что всего в полусотне метров их терпеливо

ждет опытный стрелок с охотничьим ружьем на изготовку. Массовый расстрел, случившийся тем днем, стал первым в череде кровавых убийств, произошедших в пяти штатах, а также породил множество последователей из числа сторонников превосходства белых. Помимо чернокожих, евреев и женщин, запятнавших «чистоту белой расы», убийца по имени Джозеф Франклин взорвал дом еврейского лидера Морриса Амитая, стрелял в издателя журнала Hustler Ларри Флинта, навсегда приковав его к инвалидному креслу, и серьезно ранил лидера движения за права чернокожих Вернона Джордана.

Джон Дуглас, легенда криминалистики, стоявший у истоков создания профайлинга, подробно описывает, как шел по следу убийцы, чьи вдохновленные нацистами убеждения привели к трехлетнему террору в Соединенных Штатах. Подробно рассказывая о процесс поимки Франклина с помощью еще только зарождавшегося психологического профилирования, он описывает, как выявил новый тип убийцы – хладнокровного, не подверженного страстям психопата, единственная мотивация которого – отвращение к людям, которые отличаются от него. Захватывающая и устрашающая, «Тень убийцы» мастерски обнажает психологию людей, совершающих преступления на почве ненависти.

«Познавательная и пугающая книга. Франклина больше нет, но сколько еще таких Франклинов осталось?» – Alabama Public Radio

«Джон Дуглас и Марк Олшейкер, авторы "Охотника за разумом", возвращаются с леденящей кровь историей, слишком актуальной сегодня, несмотря на то что действие происходит в 1970-х годах». – Popsugar

«Обязательно к прочтению всем желающим заглянуть в умы тех, кто сегодня подстрекает к ненависти и насилию». – Publishers Weekly

«Когда дело доходит до тру-крайма, ни у кого нет таких историй, как у Джона Дугласа». – Philadelphia Inquirer

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	9
Часть первая. Охота на убийцу	16
Глава 1	16
Глава 2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джон Дуглас, Марк Олшейкер Тень убийцы. Охота профайлера ФБР на серийного убийцу-расиста

В ПАМЯТЬ О...

Ребекка Бергстром

Мэрион Вера Хейстингс Бресет

Джонни Брукшайр

Данте Ивенси Браун

Виктория Энн «Викки» Дьюриен

Теодор Трейси «Тед» Филдс

Джсералд Гордон

Даррелл Лейн

Альфонс Мэннинг-младший

Дэвид Лемар Мартин III

Мерседес Лин «Марси» Мастерс

Гаролд Макайвер

Кэтлин Микула

Джонни Нойз

Лоуренс И. Риз

Нэнси Сантомеро

Тони Лин Швенн

Артур Сможерс

Уильям Браун Татум

Джесс И. Тейлор

*Реймонд Тейлор
Лео Томас Уоткинс*

*Да будет память о них благословением и
триумфом любви над ненавистью*

John Douglas, Mark Olshaker

THE KILLER'S SHADOW: THE FBI'S HUNT FOR A
WHITE SUPREMACIST SERIAL KILLER

Copyright © 2020 by Mindhunters, Inc. All rights reserved.

Published by arrangement with Dey Street Books, an imprint
of HarperCollins Publishers

© Самуйлов С.Н., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2022

* * *

Характеристика фюрера-дилетанта Питера
Воллмера, жалкого человечка, подкармливающего свои
собственные иллюзии, постоянно чувствующего голод
и нехватку величия в своей деятельности. И, как его
предшественники с гусиной походкой, он ищет нечто,
чтобы объяснить свой голод и логически обосновать,
почему мир проходит мимо, не салютуя ему. То, что он

ищет, оказывается в канализационном стоке.

В его извращенном лексиконе он называет это верой, силой и правдой.

Но очень скоро Питер Воллмер начнет заниматься своим привычным делом в другом уголке пространства, на странном перекрестке в стране теней, называемой Сумеречной Зоной.

*Род Серлинг, вступительный монолог из «Он жив»,
«Сумеречная зона»*

Пролог

Снайпер был педантичен и дотошен. Он заранее изучил потенциальные цели в городе, а потом некоторое время наблюдал за местностью, выбирая оптимальную позицию.

Синагога Брит Шолом находилась на Линден-авеню в пригороде Сент-Луиса, Ричмонд-Хайтс, штат Миссури. Неподалеку проходили федеральные автомагистрали 64 и 170, по которым можно было быстро и незаметно скрыться. Через дорогу высился кустистый, поросший высокой травой холмик с телефонным столбом – хорошее укрытие с отличным видом на парковку возле синагоги. Расстояние примерно в сотню метров – не проблема для полуавтоматической охотничьей винтовки с болтовым затвором, «Ремингтон 700» калибра 30–06, оснащенной телескопическим прицелом. Он заранее привез ее на выбранное место в черном футляре из-под гитары и спрятал в кустах. А также спилил серийный номер, чтобы винтовку нельзя было отследить. Он старался не пользоваться одним и тем же оружием дважды, и это уже стало обязательным и привычным ритуалом. Он приехал на велосипеде – это транспортное средство невозможно идентифицировать, и след от покрышки не укажет на конкретную модель. Его собственная машина осталась на стоянке у торгового центра – не далеко, но и не слишком близко.

На календаре было 8 октября 1977 года, мягкий, солнечный день, суббота, когда осень только-только напомнила о скором приходе.

Побывав на месте в пятницу, он забил два десятидюймовых гвоздя в телефонный столб и натянул между ними носок – мягкую опору для винтовки.

Оставалось только ждать.

Он проверил время службы и знал, что она закончится около часа дня, как раз к ланчу.

Прошло всего лишь несколько минут, когда двери открылись, и прихожане начали выходить. Двое мужчин остановились поговорить на парковке у северной стороны здания. Рядом с одним из них стояла девушка, неподалеку женщина и еще две девушки – возможно, жена и дети. Первый мужчина уже садился в машину.

Снайпер сжал винтовку, сосредоточился на сердечном ритме и задал частоту дыхания. Потом прицелился и произвел два быстрых, один за другим, выстрела в сторону двух мужчин. Звук получился громкий, но выходящим из синагоги он показался хлопком взорвавшейся петарды. Сам снайпер скорее почувствовал, чем услышал, как ударная волна подбросила ствол и толкнула назад плечо. Спустя долю секунды он увидел, как один из мужчин, что стоял рядом с девушкой, схватился за грудь и упал. Другой, казалось, вздрогнул, но снайпер не смог определить, попал он в него или нет. Люди поблизости инстинктивно присели или упа-

ли на землю. Второй мужчина быстро схватил маленькую закричавшую от страха девочку и укрылся между припаркованными машинами.

Казалось, разверзся ад. Женщина с двумя девушками бросилась к упавшему мужчине и склонилась над ним на тротуаре. Когда она выпрямилась, весь перед ее платья был испачкан кровью.

Сразу после начала стрельбы, как свидетельствуют многочисленные отчеты, несколько детей поспешно вернулись в здание синагоги, где еще осталось большинство прихожан, крича: «Там стреляют в людей! Там убивают!»

Воспользовавшись паникой и суетой, снайпер поправил винтовку, поправил прицел и выстрелил еще три раза в направлении здания синагоги.

Стрельба добавила неразберихи. Из трех выстрелов, возможно, один достиг цели. Но об этом снайпер уже не думал. Пришло время уносить ноги.

Он быстро, но тщательно протер винтовку и футляр, чтобы не оставить случайно отпечатки пальцев, положил оружие в футляр и бросил его в кусты. Затем забрался на велосипед и помчался на парковку близлежащего торгового центра, открыл дверцу, сел в машину, повернул ключ в замке зажигания, придавил педаль газа и уехал.

Мужчину, в которого попал снайпер, звали Джеральд «Джерри» Гордон, и ему было сорок два года. В этот день

он вместе с женой Шейлой и тремя дочерьми был среди примерно двухсот гостей, пришедших на бар-мицву Рики Калины, сына Максина и Мервина Калины, двух ближайших друзей Джерри. Прежде чем направиться к своей машине с Шейлой и девочками, он еще раз поздравил Рики и теперь прощался с ним прямо у дверей синагоги. Джерри имел репутацию шутника и балагура, поэтому когда упал, схватившись за грудь после громких хлопков, стоявшие рядом подумали, что он играет. Даже Стивен Голдман, друг, с которым он разговаривал на парковке, решил, что Джерри притворяется. Но потом Стивен посмотрел вниз и увидел растекающуюся по груди Джерри кровь. Это он схватил младшую дочку Джерри, защищая ее от происходящего.

Рики бегом вернулся в здание, чтобы найти своих родителей и добраться до телефона – позвать на помощь. «Скорая» прибыла в считанные минуты и отвезла Джерри в больницу округа Сент-Луис, где его срочно отправили в операционную. Единственная пуля пробила левую руку и застряла в груди. Он умер, проведя на операционном столе около трех часов, от потери крови и повреждения легкого, желудка и других органов. Он был продавцом в «Ропак корпорейшн», фирме по распространению бумажной продукции. Трех его дочерей звали Хоуп, Мишель и Трейси.

Полиция прибыла на место быстро, немедленно оцепила территорию, начала опрос свидетелей и поиск вещественных доказательств.

Когда Гордон упал, Стив Голдман почувствовал что-то вроде укуса насекомого в левое плечо, но забыл об этом в хаосе и сумятице, последовавшими за выстрелом и ранением друга. Когда он через несколько минут отвечал на вопросы полицейского, тот заметил дырочку в его пиджаке. И Стив вдруг понял, насколько близко был к тому, чтобы разделить судьбу Джерри Гордона.

Еще один мужчина, тридцатилетний Уильям Ли Эш, был ранен одной из трех последних пуль. Его тоже отвезли в больницу. Он потерял левый мизинец – пуля угодила сначала в руку, а затем попала в бедро. Его жена Сьюзен приходилась двоюродной сестрой Максина Калины.

Полиция сошлась на том, что всего было произведено пять выстрелов, а следователи охарактеризовали случившееся «в высшей степени преднамеренным нападением». Винтовку «Ремингтон» в черном футляре из-под гитары нашли в кустах на холме, возле телефонного столба, в который были вбиты два гвоздя. Между ними висел носок, еще влажный после прошедшего накануне вечером дождя. Это свидетельствовало о том, что стрелок побывал здесь заранее. В винтовке нашли пустую пятизарядную обойму, пять использованных гильз валялись поблизости. Отпечатков пальцев не обнаружили.

Пилот полицейского вертолета округа Сент-Луис заметил мужчину, бежавшего по эстакаде на шоссе возле Брит Шолм, и принял его за снайпера. Полиция обнаружила одну

пулю в радиаторе автомобиля, припаркованного на стоянке синагоги, другую – в стене дома напротив и в квартале от парковки – велосипед, которым мог пользоваться стрелок.

Несколько свидетелей рассказали, что примерно за час до стрельбы видели в этом районе мужчину, который нес черный футляр для гитары. По их описаниям, он был ростом около метр восемьдесят, среднего телосложения, с длинными вьющимися волосами, светлой кожей и шрамами от прыщей. Возраст – от девятнадцати до двадцати пяти лет.

Другие свидетели видели мужчину, который вскоре после стрельбы бежал по автостоянке торгового центра возле синагоги и оглядывался, как будто его преследовали.

Тот случай стал большим событием в истории штата. Хотя в понедельникном номере газеты «Сент-Луис Пост-Диспатч» приводились цитаты местных еврейских лидеров, которые заявили, что не считают антисемитизм мотивом нападения, большинство синагог усилили охрану и патрули. «Казалось, весь город впал в панику после случая со снайпером», – эти слова диспетчера полиции приводились в той же статье.

Возглавить расследование было поручено лейтенанту полиции Сент-Луиса Томасу Х. Боулчу. Его команда из более чем двадцати детективов работала с коллегами из полиции Ричмонд-Хайтс. Боулча цитировали в газете, указывая, что он не отмечает ни одного мотива нападения: «Мы изучаем все направления. Мы следим за разного рода чудачками, ра-

дикалами, антисемитскими группами – за всеми», – говорил лейтенант. Следователи изучали возможность того, что целью снайпера был один конкретный человек.

Раввин Брит Шолом, Бенсон Skeфф, не смог назвать причину, почему именно его синагога стала мишенью. Норман А. Стек, исполнительный директор Совета по связям с еврейскими общинами Сент-Луиса, согласился с ним, сообщив «Пост-Диспатч»: «В последнее время не произошло ничего, что указывало бы на какие-либо проблемы в еврейской общине Сент-Луиса. Такое могло случиться с кем угодно и где угодно».

На той же неделе Бюро идентификации полицейского управления округа Сент-Луис успешно применило химическую обработку орудия убийства, чтобы узнать его серийный номер. С помощью Бюро контроля за оборотом алкоголя, табака и огнестрельного оружия (АТО) в Вашингтоне, округ Колумбия, был установлен предыдущий владелец винтовки, проживающий в городке Ирвинг, штат Техас. Он сообщил, что продал ее около четырех недель назад за двести долларов и дал описание покупателя полицейскому художнику. Свидетели подтвердили, что человек на рисунке похож на неизвестного, который пробежал по парковке торгового центра, хотя следователи не исключили вероятность того, что в снайперской атаке участвовали двое.

Так или иначе, кто бы это ни был, ему удалось исчезнуть.

Часть первая. Охота на убийцу

Глава 1

10 октября 1980 года

Когда мне позвонили, я был в своем офисе в Куантико. В то время отдел поведенческой науки (ОПН) ФБР располагался в большом, хмуром подвале под библиотекой, и наши рабочие места разделялись перегородками чуть больше полутора метров высотой; когда кто-нибудь из нас разговаривал по телефону, остальные все слышали, независимо от того, хотели они этого или нет.

Обычно нас было восемь человек: специалисты по криминальной психологии, социологии, профессиональному стрессу и другим связанным предметам. На тот момент я был единственным штатным профайлером, хотя и вел еще занятия по криминальной психологии, которую мы пытались использовать в практической работе правоохранительных органов.

Идея провести собеседование с находящимися в заключении серийными убийцами и насильниками пришла мне в голову за несколько лет до того, когда мы с Робертом «Бобом» Ресслером, специальным агентом и моим напарником-инструктором, вели «дорожные курсы» в местных полицейских

управлениях и правоохранительных органах.

Эти курсы были своего рода продвинутой версией учебного цикла, который мы преподавали в Куантико новым агентам, старшим офицерам и детективам, которых выбрали для прохождения практики в ФБР.

Первоначальная цель этих тюремных интервью заключалась в том, чтобы узнать и понять, что, по мнению самих преступников, происходило у них в голове до, во время и после преступления и какое поведение они демонстрировали, совершая преступление. Мы хотели соотнести это с уликами, оставленными ими на местах преступлений и захоронения жертв. И хотя интервью с такими людьми, как «Убийца студенток» Эдмунд Кемпер из Санта-Крус, Калифорния, нью-йоркский «Сын Сэма» Дэвид Берковиц, орегонский «Убийца – обувной фетишист» Джером Брудос и «Хелтер Склтер» Чарльз Мэнсон стали основой для программы поведенческого профилирования ФБР, с самого начала нам просто хотелось стать лучшими инструкторами и не выглядеть глупо перед выдавшими виды детективами и боссами из программы Национальной академии ФБР, зачастую более опытными и непосредственно знакомыми с преступлениями.

Применяя знания, полученные в ходе интервью, мы пытались превратить криминальную психологию в действенный инструмент расследования. Курс становился популярным, и сотрудники полиции и службы шерифа начали привозить нам на рассмотрение дела из своих городов. В 1979 году мы

получили около шестидесяти дел, и я начал отказываться от преподавания на постоянной основе. В следующем году количество дел увеличилось более чем вдвое, поэтому в январе 1980-го я бросил преподавательскую работу на полную ставку и стал менеджером программы криминального профилирования и приглашенным лектором в Академии.

Человека, позвонившего в то утро, я хорошо знал – это был Дейв Коль, работавший под руководством Джозефа П. Шульте-младшего, начальника отдела гражданских прав в штаб-квартире ФБР в Вашингтоне, округ Колумбия. С Дейвом я познакомился в Милуоки, где работал в местной команде спецназа ФБР, а он был командиром группы и инспектором отряда быстрого реагирования, который занимался похищениями, вымогательствами и связанными с ними преступлениями. Бывший морской офицер и чемпион колледжа по борьбе, Дейв был моим «раввином» в Бюро, как обычно называют старшего по возрасту или положению агента, который берет вас под свое крыло, становится наставником и вообще присматривает за вами. На этот раз звонок не был личным.

– Джон, ты слышал о Джозефе Поле ФранкLINE?

– Эм, да, – сказал я, пытаюсь связать имя с конкретным делом. – Не тот ли парень, который, как предполагается, застрелил двух афроамериканцев в Солт-Лейк-Сити?

– Тот самый. И возможно, не только их, но и афроамериканцев в Огайо, Индиане, Пенсильвании, а может, и в других

местах.

– Его вроде бы арестовали, а он сбежал из полицейского участка или что-то в этом роде? – спросил я.

– Точно. Во Флоренции, Кентукки; это недалеко от Цинциннати. Взял и вылез через окно в перерыве во время допроса. Вот почему я звоню. Ты, скорее всего, получишь официальный запрос из штаб-квартиры, но я спрашиваю тебя сейчас. Как думаешь, ты бы мог бы дать психологическое заключение? Подсказать что-то, что помогло бы нам найти его?

– Что ж, основываясь на исследованиях и опыте, я представляю, как работает разум преступника, хотя обычно мы имеем дело с *неизвестными* субъектами и пытаемся дать характеристику подозреваемого, исходя из улик с места преступления, полицейских отчетов и виктимологии. В данном случае вы знаете, кто этот парень, но не знаете, где его найти и что он будет делать дальше. Хотя элементы оценки остались прежними. Гарантии не дам, но сделаю все возможное. Отправишь мне материалы? – спросил я.

– Их так много, что тебе бы лучше приехать сюда, посмотреть и выбрать что захочешь. Сколько, по-твоему, времени это займет?

– Как насчет пары дней? – предложил я.

– А можно рассчитывать на ближайшие двадцать четыре часа? – ответил Дейв.

Я немного подумал, а потом сказал:

– Хорошо. Буду во второй половине дня.

Дейв ответил:

– Тогда пока. И, Джон, тебе нужно знать еще кое-что. Возможно, это тот парень, который стрелял в Вернона Джордана, и мы точно знаем, что он написал письмо с угрозами президенту Картеру, когда тот был кандидатом, из-за его позиции по гражданским правам. Когда президент ездит по стране с кампанией переизбрания, Секретная служба относится к таким вещам очень серьезно.

Джордан, лидер движения за гражданские права, был тяжело ранен в Форт-Уэйне, штат Индиана, в мае прошлого года, и покушение на него привлекло внимание всей страны, напомнив о проблемах 1950-х и 1960-х, связанных с движением за гражданские права.

В Бюро так заведено, что когда вам звонят из штаб-квартиры, вы бросаете все, чем бы ни занимались, и сразу приступаете к делу. Строго говоря, Академия входит в состав отдела штаб-квартиры ФБР, но в тогдашнем ОПН просьба сверху сама по себе рассматривалась как необычная ситуация. Обычно они игнорировали нас, и меня это вполне устраивало, поскольку мы только разрабатывали нашу программу. До того момента работу нам давали местные правоохранительные органы, которые запрашивали консультацию и присылали соответствующие материалы дела: фотографии с места преступления, отчеты детективов, показания свидетелей, протоколы вскрытия, лабораторный анализ вещественных

доказательств. Исходя из этого, мы составляли психологический профиль преступника, на поиске которого им следовало сосредоточить расследование. В зависимости от обстоятельств и типа дела, мы могли также предложить проактивные стратегии, чтобы помочь выявить его (а это почти всегда был он) или заставить его сделать ход и обнаружить себя.

Здесь было другое. Мало того что нам с самого начала было известно имя преступника, но и об участии просили высшие руководители ФБР – в отличие от запросов, которые поступали от местных агентств, здесь к нам впервые обратились из штаб-квартиры Бюро. Обратились по делу достаточно важному, поскольку они были готовы рискнуть и воспользоваться нашим все еще экспериментальным подходом. В случае успеха мы могли продвинуться по службе, получить известность.

Для меня это был своего рода персональный вызов: проверить, сможем ли мы запустить наш аналитический процесс в обратном направлении, провести, так сказать, реверсивный инжиниринг, чтобы найти нужного человека; а затем, если получится, посмотреть, будут ли у нас доказательства, чтобы должным образом предъявить ему обвинение и привлечь к ответственности.

Я позвонил в автопарк Академии и спросил, есть ли у них машина, которую можно взять во второй половине дня. В противном случае мне пришлось бы ехать на своей, а потом

подавать заявку на возмещение дорожных расходов.

При всех моих разъездах мне приходилось заполнять достаточно отчетов, так что добавлять еще один я не хотел. Машина в автопарке нашлась; я пошел в гараж и выписал стандартный для Бюро «Форд»-седан. Извилистая дорога вела через морскую базу, которая считалась нашим арендодателем, и выходила на магистраль 95-Север. В те времена, в восьмидесятые, она еще не превратилась в подобие растянувшейся автостоянки, которой бывает большую часть дня сегодня, и из Куантико до центра города Вашингтон можно было добраться меньше чем за час.

По дороге я думал о предстоящем задании. Дело Франклина, если бы он оказался виновным во всех или в большинстве преступлений, в которых его подозревали, стало бы на порядок выше всего, с чем мы работали до сих пор, в плане значимости и общественной опасности. Франклин действовал дистанционно, выбирая своими целями людей, с которыми не имел отношений и не встречался. С жертвами он не был связан ни эмоционально, ни персонально, а именно эти факторы обычно служили для нас важными подсказками. Он был в высшей степени мобилен и мог находиться где угодно.

Хотя Дейв познакомил меня с делом Франклина лишь в общих чертах, я понимал, насколько оно важно для нашей группы. Программа профайлинга еще только зарождалась и не прошла должной обкатки. Мы могли пойти по несколь-

ким направлениям, и большинство из них вели в тупик. Хотя я занимался профайлингом на постоянной основе с января, большими достижениями внутри самого Бюро отдел поведенческих наук похвастать не мог. Громкие, значимые дела, такие как убийства детей в Атланте, дело Трейсландского убийцы¹ из Сан-Франциско, жестокое убийство Франсин Элвесон, преподавательницы Центра для детей-инвалидов в Бронксе, попадут в сферу нашего внимания в течение ближайшего года, но тогда, осенью 1980 года, программа профайлинга все еще оставалась экспериментом, ценность которого требовалось доказать через представление в Бюро целостной концепции.

У нас были положительные результаты по делам, полученным от местных управлений полиции и служб шерифа. Кроме того, у нас была пара впечатляющих успехов, заслуживших внимание правоохранительных сообществ, вылившееся в то, что мы называли классификацией 62-D: сотрудничество с национальной полицией. Это означает, что даже в тех случаях, когда ФБР не обладает правом первичной юрисдикции, Бюро может получить такие инструменты расследования или проверки, которые оказались бы полезными для местного полицейского управления. Соответствующие запросы направляются в ближайшее отделение ФБР и далее

¹ Дэвид Джозеф Карпенгер, также известный как Трейсландский убийца (англ. Trailside Killer, «убийца на тропе») – преследовал и убивал людей на пешеходных тропках в парках близ Сан-Франциско. (Здесь и далее – прим. ред.)

в штаб-квартиру Бюро. На практике специальный агент или глава отделения могут сказать что-то вроде:

– К черту штаб-квартиру. Я хочу говорить с тобой.

Специальные агенты занимают довольно высокое место в пищевой цепочке Бюро и обычно добиваются своего. В конце концов, каждое местное отделение назначит профильного координатора, но этого еще не произошло.

В декабре 1979 года мне позвонил специальный агент Роберт Лири из полевого агентства в Риме, штат Джорджия.

Полевые агентства – это небольшие офисы ФБР на территориях, недостаточно больших, чтобы иметь там региональное отделение. Обычно они работают совместно с ближайшим региональным отделением. Несколькими днями ранее симпатичная и общительная двенадцатилетняя девочка по имени Мэри Фрэнсис Стоунер, мажоретка школьного оркестра, исчезла сразу после того, как вышла из школьного автобуса у подъездной дорожки в сотне ярдов от ее дома в Адэйрвилле, городке в северо-западном уголке штата. Ее тело нашли в лесу, в десяти милях от дома, на границе округа. Молодая пара заметила лежащий на земле желтый плащ. Подойдя ближе и увидев, что под плащом, они связались с полицией, которая незамедлительно прибыла на место. Судмедэксперт обнаружил свидетельства сексуального насилия и удушения руками сзади, а также травму головы от удара тупым предметом. Рядом с телом лежал окровавленный камень, который полиция приняла в качестве вещественного

доказательства.

Ознакомившись с материалами дела, фотографиями с места преступления, протоколами вскрытия и характеристикой жертвы, я составил довольно полное представление о том, что произошло и почему жертва из категории социально благополучного населения в условиях с низкой степенью риска стала объектом столь ужасного преступления.

Свой профиль неизвестного я передал полиции по телефону: возраст от двадцати пяти до тридцати лет; «синий воротничок», возможно, электрик или сантехник; уволен из армии за недостойное поведение или по медицинским показаниям; уровень интеллекта средний или выше среднего, образование – не выше среднего; с историей предыдущих сексуальных посягательств, хотя, вероятно, не убийств. Скорее всего, он женат, воображает себя сексуально неотразимым, но брак либо не сложился, либо закончился расставанием или разводом; ездит на черном или темно-синем автомобиле (я заметил, что организованные люди компульсивного психотипа, как правило, водят машины темных цветов); манера держаться дерзкая, самоуверенная. Поскольку на месте похищения он должен был находиться достаточно долго, чтобы заметить Мэри Фрэнсис, я подумал, что полиция, вероятно, допросила его как потенциального свидетеля. Когда я закончил свой профиль, мне сказали, что я описал парня, которого они допросили и только что освободили. Звали его Даррелл Джин Девье; двадцатичетырехлетний белый мужчина,

на которого уже падало подозрение в изнасиловании тринадцатилетней девочки, но обвинение тогда не выдвигалось. Даррелл бросил школу после восьмого класса, несмотря на IQ 100–110. Был дважды женат и разведен, в то время жил со своей первой бывшей женой. В армию пошел после первого развода, но ушел в самоволку и был уволен через семь месяцев. Водил трехлетний черный «Форд Пинто», который содержал в хорошем состоянии. Работал обрезчиком деревьев. Его опросили как потенциального свидетеля, поскольку за две недели до похищения Мэри Фрэнсис он выполнял заказ для местной энергетической компании в непосредственной близости от места будущего преступления. Оснований для подозрений у полиции было достаточно, и в тот же день ему назначили проверку на полиграфе.

Я сказал им, что считаю это плохой идеей. Имея за спиной опыт тюремных собеседований, я пришел к выводу, что у людей без совести, способных обезличивать своих жертв, иные, чем у обычных мужчин и женщин, эмоциональные и физические реакции на детекторе лжи.

Они позвонили на следующий день, сообщили, что результаты теста неоднозначны, и я подумал, что Девье только укрепит в способности справляться со стрессом допроса.

Теперь, когда он знал, что может обыграть «полиграф», добраться до него можно было только одним способом. Я рассказал им, как разыграть сцену допроса, с окровавленным камнем в поле его зрения, но расположенным так, чтобы

ему пришлось повернуть голову, чтобы посмотреть на него. Я сказал им, что если он убийца, то не сможет игнорировать камень. А поскольку Мэри Фрэнсис ударили по голове несколько раз, была велика вероятность, что он испачкался в крови, и это можно использовать, чтобы поколебать его уверенность в себе. Дав понять, что на самом деле девушка соблазнила его своим поведением, следственная группа, состоявшая из полицейских и агентов ФБР, заставила его признаться, хотя в Джорджии за убийство предусматривалась смертная казнь. Эта сцена показана в первом сезоне сериала «Охотники за разумом», и урок из нее следует такой: *у каждого есть «камень»*. Нужно только вычислить, что это.

Несколько месяцев спустя, весной 1980 года, мне позвонил шеф полиции Джон Ридер из городка Логан, штат Пенсильвания, выпускник Национальной Академии ФБР. Его и окружного прокурора округа Блэр Оливера Э. Маттаса-младшего направил ко мне специальный агент Дейл Фрай из полевого агентства Бюро в Джонстауне. Примерно за год до этого двадцатидвухлетняя женщина по имени Бетти Джин Шейд, работавшая приходящей няней, возвращалась домой около 22:15 и по дороге пропала.

Четыре дня спустя мужчина во время прогулки наткнулся на ее изуродованное тело возле незаконной мусорной свалки на горе Вупсононок, недалеко от города Алтуна. Женщина не только подверглась сексуальному насилию; коронер округа сказал, что более ужасной смерти он не видел.

Судя по тяжелой травме лица, неизвестный преступник хорошо знал жертву. Но в отличие от других подобных травм, которые мне доводилось видеть, убийца не был психопатом-садистом – большинство ран были посмертными. Другие поведенческие сигналы указывали на замкнутого одиночку, возрастом от семнадцати до двадцати пяти лет, с неблагополучным бэкграундом, неполной семьей и властной матерью. Я был почти уверен, что он живет между домом Бетти Джин и местом захоронения трупа.

Результаты наших исследований свидетельствовали о том, что хорошо спланированные преступления, с высокой степенью контроля и продуманности – после них обычно остается мало вещественных доказательств, – указывают на один тип преступника: организованный. По контрасту с ними есть преступления, совершенные, казалось бы, спонтанно – жертва скорее определена ситуацией и обстоятельствами, чем личными мотивами; на месте преступления часто обнаруживают беспорядок и множество вещественных доказательств – это работа субъекта менее организованного. Степень организованности или неорганизованности – один из ключевых факторов в понимании личности преступника. На месте убийства Шейд мы столкнулись со смешанной картиной, что могло означать многое, но в данном случае наводило на мысль, что преступников было несколько.

На подозрении у полиции были двое. Один – бойфренд жертвы, Чарльз Ф. Султ-младший, известный как Бутч.

Другой – человек, который нашел тело. Он жил в четырех кварталах от дома Бетти Джин и безуспешно приставал к ней. Он был известен своим антиобщественным поведением, и у него не было твердого алиби. Но он был женат, имел двоих детей, и посмертные увечья просто не вписывались в этот профиль. Бутч Султ соответствовал большинству элементов профиля, включая властную мать и репутацию мужчины, неловкого в общении с женщинами. Его заверения в пылких чувствах к Бетти Джин представлялись мне чрезмерными. Я допускал возможность того, что у них возник спор, она пригрозила бросить его, и далее ситуация развивалась по нарастающей. Когда я узнал, что его брат Майк работает мусорщиком и рос в тех же условиях, что и Бутч, меня это заинтересовало. Я подумал, что мы сможем узнать правду через Майка, внушив ему, что он всего лишь занимался сексом с Бетти Джин, когда Бутч оказался не способным на это, а затем помог избавиться от тела. В конце концов Бутча осудили за убийство первой степени, а Майка, признавшего свою вину и заключившего сделку с судом, отправили в психиатрическую лечебницу. Я убежден, что эти двое убили бы снова, если бы их не задержали.

Это самая приятная часть работы: восстанавливать справедливость в отношении жертв и их семей. В отличие от мерзавцев, деперсонализирующих жертву, как, например, Даррел Джин Девье, или удовлетворяющих свою похоть, наказывая жертву, как Бутч Султ, мы с коллегами избираем проти-

воположный подход. Мы персонализируем жертв. Мы учили ставить себя на их место, представлять и чувствовать, через что они прошли в самые худшие моменты своей – увы – слишком короткой жизни. Думаю, это то важное, что мы создали и закрепили, наше наследие. Многие вымышленные профайлеры ФБР, появившиеся на протяжении последних лет в книгах и кино, говорят о том, как важно уметь проникнуть в мозг преступника, представить себя им. Нам, безусловно, приходилось это делать. Но не менее важно уметь поставить себя и на место жертвы. Это не только помогало нам понять физическую и психосоциальную среду преступления – как реакция жертвы повлияла на отношение, поведение и действия преступника при совершении преступления, – но и еще больше мотивировало нас работать ради жертв, которые больше не могли говорить за себя.

Шеф Ридер, который изучал наши методы, публично заявил, что мы непосредственно способствовали расследованию убийства Бетти Джин Шейд, спланировали допрос и определили, как получить показания от преступников.

Его заявление стало своего рода позитивной рекламой нашей программы профилирования. Вслед за Джоном Ридером ряд начальников полиции и шерифов по всей стране позвонили или написали в Бюро, отмечая, что мы помогли сузить список подозреваемых, сфокусировать расследование и наметить стратегию ареста и допроса. Нам звонили даже из полевых офисов, представителям которых приходилось

встречаться со средствами массовой информации по тому или иному конкретному делу. Их интересовало, как отвечать на вопросы, чтобы ответы были информативными, но не выдавали при этом детали, которые пригодятся потом, чтобы выявлять новых и исключать старых подозреваемых. Но все эти дела, как в случаях со Стоунер и Шейд, оставались делами местного масштаба и привлекали внимание только правоохранительных органов. Мы не участвовали еще в таких расследованиях, которые вызвали бы интерес у общенациональных СМИ, и такое понятие, как «серийные убийцы», еще не проникло в общество.

Не могу сказать, что у меня уже сложилось представление о том, чем станут профилирование и наш поведенческий подход к анализу уголовных расследований и как они будут развиваться, но я знал, что нам есть на что опереться. В самых смелых мечтах я представлял «летучий отряд» с собственным, оборудованным лабораторией самолетом, готовым в любой момент вылететь к месту крупного преступления с командой из эксперта-криминалиста, судмедэксперта, патологоанатома и одного-двух следователей-профайлеров, но знал, что это, скорее всего, из области фантазий. Многие шишки в штаб-квартире называли академию в Куантико «загородным клубом» из-за нашего расположения в сельской местности и считали, что мы проводим слишком много времени, просиживая штаны в бесплодных размышлениях. Мы, с другой стороны, зачастую видели в обитателях

здания Гувера кучку администраторов и бюрократов, которые имеют слабое представление о том, чем на самом деле занимаются оперативные сотрудники на местах. Все это порождало плохо скрываемое напряжение.

Дело Франклина могло повысить нашу узнаваемость и привлечь к нам внимание внутри ФБР, но оно также представляло для нас большой риск. Сторонники старой школы, защитники жесткой линии, пришедшие в Бюро в последние годы его основателя-директора, поклонника железной дисциплины и принципа «только факты, мэм» в подходе к раскрытию преступлений, считали профайлинг и проактивные стратегии баловством. Они были бы счастливы отправить наши методы на свалку, а нас самих – патрулировать улицы. Я не сомневался, что наступит время, когда другие агенты будут делать то же, что и мы, но неудача на большой сцене могла положить конец всему начинанию.

Конечно, самая большая проблема – гораздо бóльшая, чем моя карьера или даже будущее самого подразделения – заключалась в том, что это дело разворачивалось на фоне огромных тикающих часов.

Здание Дж. Эдгара Гувера, в котором находится национальная штаб-квартира ФБР, представляет собой массивное серое бетонное сооружение в стиле, который архитектурные критики называли брутализмом. Оно занимает главный квартал в центре Вашингтона, округ Колумбия, ограниченный

Пенсильвания-авеню, Е-стрит и Девятой и Десятой улицами, и находится в одном квартале к югу от того места, где был убит президент Линкольн. Открытым оно оставалось почти пять лет, с сентября 1975 года, и за это время приобрело репутацию одного из самых – если не самого – уродливых зданий столицы страны. Это, безусловно, одно из самых грозных и отталкивающих зданий, вызывающих желание отвернуться и пойти в противоположном направлении. В этом, по мнению многих, оно точно отражало личность той знаковой фигуры, в честь которой было названо².

Я въехал в охраняемый подземный гараж, предъявил документы и поднялся на лифте на представительский этаж. В те дни там еще можно было ощутить тянущийся из некоторых офисов запах сигаретного дыма. Я бы не удивился, если бы в нижнем ящике многих столов стояли бутылки с каким-нибудь укрепляюще-освежающим напитком.

Вопросами гражданских прав федеральное правительство занялось в середине 1960-х годов, когда на Юге было почти невозможно осудить белых, обвиняемых в убийстве афроамериканцев, или тех, кто поддерживал их стремление к равным правам.

Убийства Джеймса Чейни, Эндрю Гудмана и Майкла Швернера – трех молодых борцов за гражданские права,

² Штаб-квартира ФБР названа в честь Джона Эдгара Гувера. Противоречивость его фигуры и необычайная продолжительность пребывания в должности (48 лет) стали причиной того, что после него максимальный срок работы директоров ФБР был установлен в 10 лет.

которые боролись за право афроамериканцев голосовать в Миссисипи в ходе кампании «Лето Свободы» 1964 года, — членами Ку-клукс-клана, а также сотрудниками офиса шерифа округа Нишоба и полицейского управления Филадельфии, возмутили большую часть нации. Но штат Миссисипи отказался от судебного преследования. В том же году состоявшее исключительно из белых жюри присяжных в Миссисипи дважды не смогло осудить Байрона де ла Беквита за убийство активиста по гражданским правам и местного секретаря Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения Медгара Эверса на подъездной дорожке собственного дома. В обоих случаях присяжные так и не смогли прийти к единому мнению. Годом ранее Алабама отказалась преследовать в судебном порядке четырех находившихся в разработке ФБР членов Ку-клукс-клана, подозреваемых во взрыве баптистской церкви на 16-й улице в Бирмингеме, в результате которого погибли четыре девочки в возрасте от одиннадцати до четырнадцати лет.

Из-за этих и многих других вопиющих ошибок правосудия на пылающем Юге 1950-х и 1960-х годов Министерству юстиции было поручено расследовать эти убийства как федеральные нарушения гражданских прав. Директор ФБР Дж. Эдгар Гувер, ставший невольным участником этой кампании, связывал борьбу за расовое равенство с проникновением коммунистов в американский образ жизни (так он объяснял и многие другие гражданские процессы в обществе).

Но генеральный прокурор Роберт Ф. Кеннеди, президенты Джон Ф.Кеннеди и Линдон Джонсон и, наконец, Закон о гражданских правах 1964 года подтолкнули Бюро к более активной роли в расследовании нарушений гражданских прав, особенно в случаях бездействия со стороны властей штата.

К тому времени, когда Джо Шульте и Дейв Коля были привлечены в отдел гражданских прав, ситуация заметно изменилась к лучшему, и даже южные штаты заняли более активную позицию (хотя Байрон де ла Беквит, например, не был осужден судом штата до 1994 года; а дело о трех мучениках «Лета Свободы» заново открыто только в 2005 году). К 1980 году решение о том, должны ли расово мотивированные дела, которые могут быть юридически признаны нарушением гражданских прав, рассматриваться в федеральных судах или на уровне штата, было в значительной степени стратегическим и зависело от наличия веских доказательств и высоких шансов на обвинительный приговор.

Поднявшись наверх, я прошел по коридору к кабинету Дейва Коля и легонько постучал в приоткрытую дверь. Он поднял голову и одарил меня сардонической улыбкой.

– Надеюсь, ты готов к этому, Джон. Потому что, знаешь ли, если облажаешься, директор Уэбстер уже подписал бумаги о твоём переводе в Бьютт, штат Монтана.

В те дни это была адская дыра, куда Гувер посылал агентов, которых приговорил к чистилищу.

– Рад, что нет никакого давления, – пошутил в ответ я. Как обычно, Дейв держался приветливо и общительно, но тема, как мы оба знали, была серьезная.

Он собрал все материалы дела и разложил их для меня по четырем или пяти папкам типа «гармошка»; это было во времена, предшествовавшие компьютеризации файлов. Мы сели, чтобы обменяться идеями, обсудить стоящую перед нами задачу.

– Такого мобильного парня у нас и впрямь раньше не было. Особенно в отделе гражданских прав. Большинство из них больше чем на одно дело не способны. Франклин никогда в одном месте не задерживается, так что поймать его мы не успеваем, – сетовал Дейв.

Хотя к тому времени фраза «серийный убийца» еще не стала частью культурного лексикона, мы уже использовали ее для обозначения преступника, убившего трех или более человек в разное время и в разных местах, обычно с перерывом после каждого убийства. Однако до сих пор в тех случаях, которые мы видели и о которых слышали в Соединенных Штатах и Европе, мотивацией преступника, как правило, было извращенное сексуальное удовлетворение, так он воплощал в жизнь свои сокровенные фантазии.

Этот парень руководствовался фантазией иного рода, направленной на избавление страны от людей, которых он считал нежелательными исключительно из-за их принадлежности к другой расе. Он определенно был находчив, предпри-

имчив и осторожен и в большинстве случаев, похоже, планировал свои действия заранее. Ни Дейв, ни я не удивились бы, узнав, что он выслеживал своих жертв в течение нескольких дней или недель перед каждой снайперской атакой. Те методы, которые мы использовали для поимки таких людей, как Девье и Сульт, против него не срабатывали.

Больше всего отдел гражданских прав интересовал такой вопрос: можно ли предсказать, где Франклин появится в следующий раз, зная, что теперь он один из самых разыскиваемых преступников.

– Итак, что думаешь? – спросил Дейв. – Это по твоей части?

– Видишь ли... – я постарался говорить уверенно, но так, чтобы дать ему как можно более прямой ответ, – иногда местные копы, запрашивая профиль, думают, что я смогу дать им имя и адрес подозреваемого. На этот раз у нас есть имя парня, так что это плюс. Мы можем работать с реальной биографией, а не с обоснованными предположениями.

– И у нас есть агенты, которые занимаются поисками всех членов семьи, – добавил Дейв.

– Это может пригодиться. Проблема в том, что жертвы его предпочтений – довольно-таки широкая категория. Но мы знаем, что он сейчас в состоянии стресса, поскольку находится в бегах, поэтому нам нужно усилить давление, повысить его фактор морщинистости³. Мы попытаемся опре-

³ *Фактор морщинистости* (англ. pucker factor) – фраза американского воен-

делить его сильные и слабые стороны и выяснить, есть ли у него какие-либо зоны комфорта. Мысли и предложения появятся, как только я пройду по этому материалу.

Давление возрастало не только на Франклина, но и на нас. Местные газеты и телевидение в таких штатах, как Миссури, Юта, Индиана, Пенсильвания и Кентукки, уже всюду обсуждали дело, и теперь за него взялись общенациональные СМИ. Отношения между правоохранительными органами и прессой всегда складываются непросто. Когда мы хотим выпустить информацию, рассчитывая на отклик общественности, например, создание контекста, в котором кто-то мог что-то увидеть, подслушать или услышать, или если мы пытаемся заставить подозреваемого отреагировать на нашу проактивную тактику или стратегию, тогда репортеры – наши друзья, и мы сотрудничаем.

Когда же они передают гласности детали, которые мы предпочли бы сохранить в секрете, или поддерживают общественное давление в деле, о котором нам хотелось бы умолчать по ряду причин, они могут быть занозой в нашей коллективной заднице. Обе стороны, мы и они, понимают сложность положения: у каждого своя работа. Мы нужны друг

ного жаргона, используемая для описания уровня стресса и/или адреналина – реакции на опасность или кризисную ситуацию. Этот термин относится к стягиванию ягодич, вызванному сильным страхом. Термин применяется только к индивидуальной реакции в кризисной ситуации; он не имеет отношения к уровню стресса человека вне контекста кризиса.

другу, но иногда то, что требуется от одних, не совпадает с тем, что требуется от других.

Данный случай являл собой прекрасный пример сложного характера освещения события в прессе. Публикация описания нашего подозреваемого могла иметь решающее значение с точки зрения получения информации о его местонахождении. В то же время, по мнению руководства ФБР, если мы не доберемся до него быстро, растущее внимание к изобретательному серийному убийце, сумевшему ускользнуть от полиции, будет не более чем отвлекающим маневром и причиной потенциальной неловкости. А ведь одно из важнейших правил корпоративной культуры ФБР, сохранившееся с первых дней «железного Гувера», гласит: *никогда не ставьте Бюро в неловкое положение!*

Если бы я не смог придумать ничего полезного – или, что еще хуже, если бы моя оценка и мои предложения отвлекли людей и ресурсы в неверном направлении; если бы вся эта затея так или иначе сорвалась, – Дейв не смог бы защитить меня, на что он весьма прозрачно намекнул, упомянув Батт, штат Монтана. Это могло даже аукнуться ему самому, поскольку именно он рекомендовал штаб-квартире довериться науке о поведении.

– Удачи, Джон, – сказал Дейв, когда я уходил.

Удачи всем нам, подумал я.

Глава 2

Я отнес папки в машину и поехал обратно в Куантико. Вместо того чтобы сидеть в своем кабинете без окон, где все говорят о работе, я, чтобы сосредоточиться и проанализировать дело, уходил обычно в свое любимое место, наверх, в библиотеку, несколькими этажами выше. Из больших окон лился настоящий, естественный свет, и можно было смотреть на холмистый зеленый пейзаж Вирджинии, что в определенной степени смягчало мрачный материал, над которым я работал. Там ничто не отвлекало, не было даже телефонов, и я мог сосредоточиться.

Я сел один за библиотечный стол, рассчитанный на восемь или десять мест, и разложил перед собой материалы дела, чтобы начать мысленно соединять точки и устанавливать связи.

Я начал с основных фактов – чтобы составить как можно более точное представление об этом человеке, прежде чем углубляться в материалы дела. Дата рождения – 13 апреля 1950 года, хотя в некоторых документах указана другая – 9 февраля 1950 года; вероятно, таким образом он хотел запутать тех, кто пытался узнать его получше, об этом говорит и использование многочисленных псевдонимов. В любом случае это означало, что ему тридцать лет. Место рождения – Мобил, штат Алабама; следовательно, рос на Юге во времена

сильной расовой напряженности. Волосы каштановые. Глаза голубые. Татуировка в виде орла на левом предплечье. Татуировка Мрачного Жнеца на правом предплечье.

Последний зафиксированный в 1977 году адрес – в Мобиле, профессия указана как охранник. Родители – Джеймс Клейтон Вон и Хелен Рау. Ранее поддерживал Американскую нацистскую партию в Техасе и Всемирную церковь Бога в Калифорнии.

Я прочитал первый телетайп, датированный 2 октября 1980 года. В те времена универсальные бюллетени рассылались по телетайпу; такой системой пользовались новостные организации вроде «Ассошиэйтед Пресс» (АП) и «Юнайтед пресс интернэшнл» (ЮПИ).

Это был большой ящик из темного металла. Бумага вылезала из щели сверху, и когда сообщение заканчивалось, его следовало оторвать. При поступлении особенно важного сообщения срабатывал звоночек, который означал: «Оторви и прочитай!» Количество звоночков соответствовало степени важности сообщения. Работающий с телетайпом привыкал реагировать на этот сигнал. В отличие от современных лазерных принтеров, «кляц-кляц-кляц» печатной машины разносился по всему коридору. Менее срочные сообщения и отчеты передавались через эйртел, и их требовалось распечатать и разослать в тот же день. Помимо прочих перечисленных в телетайпе фактов, я прочитал следующее: «Вон предположительно сменил имя в Верхнем Мальборо, штат Мэ-

рилленд, на Джозеф Пол Франклин, заявив, что делает это, чтобы поехать в Родезию убивать черных». Однако никаких доказательств его поездки в Африку не было.

Читая телетайп, я обратил внимание на информацию в разделе «Физические характеристики». Помимо того что он носит парики в качестве маскировки, о чем мы уже знали из сведенных воедино свидетельств очевидцев, там отмечалось, что он почти ослеп на правый глаз в результате несчастного случая в детстве. Версии обстоятельств получения травмы варьировались от падения при езде на велосипеде до игры с братом Гордоном и пневматическим пистолетом. Была ли его меткая снайперская стрельба средством компенсации этого воспринимаемого как недостаток увечья?

Меня часто спрашивают, есть ли в прошлом любого преступника некое событие, определяющее и дающее начало его будущего пути. Стал ли этот несчастный случай триггером преступной жизни Франклина? На мой взгляд, маловероятно, хотя это, возможно, повлияло на метод, который он избрал для совершения своих насильственных преступлений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.